

ГЛАВА IV

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

Созвездие Чаши

А как это было? — спросила Худжасте.
Зийа ад-Дин Нахшаби. Книга потугая

Ты, как всегда, мой бесценный, с утра — в хороводе дел,
В вечном потоке встреч и разлук, городов и лиц,
Ты постоянно в пути, но — ты этого и хотел,
Так что — отлично, привычно, и не о чем слезы лить.
Юлия Вергилева

Уезжать всегда сложно, но в этот раз было особенно. Под утро мы разругались так, что я быстро оделся и вышел на набережную, чтобы остыть. Было часов около шести. В желтом свете фонарей метель брала приступом памятник Крузенштерну. Ранний прохожий с громадной собакой, радующейся снегу, вновь и вновь замерзшими пальцами пытался застегнуть молнию на куртке. На черном — мачты пришвартованного на зиму и впаянного в лед парусника. Футуристические машинки пытались расчистить от снега хотя бы одну полосу и яростно разбрасывали по сторонам молнии от ярко-желтых проблесковых маячков. Получалось у них не очень: только что расчищенная полоса через несколько минут вновь становилась белой. «От сильной стужи небо, подобно языку скучных рассказчиков, исторгало лед, от страшного холода мир, как хладнокровные люди, подернулся инеем, от чрезмерной стужи огонь укрылся в четырех стенах очага, от лютого мороза саламандра заползла в пламя»¹.

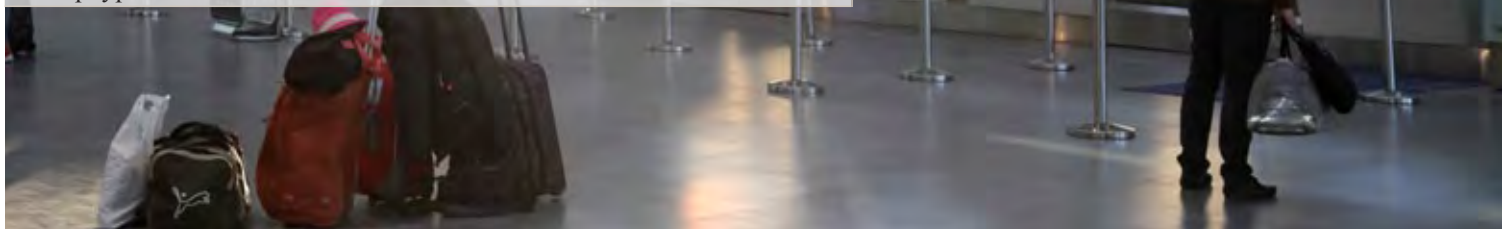
Я вернулся минут через двадцать. Меня ждала чашка кофе, бутерброд и сумрачный взгляд мельком. Взял телефон и стал заказывать такси.
— Нет, я обещала и отвезу тебя сама.

Ехали молча, лучше бы взял такси. Выпустив из машины, сразу включила своего любимого Стинга и двинулась вперед, резко выкручивая руль, ловко лавируя на узкой заснеженной дороге между людьми, машинами и чемоданами...

Южный Чимкент оказался не менее снежным, чем северный Петербург.

Санкт-Петербург. Зима.
Фото Т. М. Федоровой, 2012 г.

Пулково. Ожидание.
Фото Т. М. Федоровой (фрагмент), 2015 г.

¹ Зийа ад-Дин Нахшаби. *Книга потугая (Тутти-наме)*.
Пер. Е. Э. Бергельса (М., 1979, переизд. 1982). С. 47.

Одно из главных детских впечатлений, оставшихся после нескольких ранних походов с отцом в Эрмитаж, — громадный бронзовый котел, привезенный в Петербург из Туркестана. Связанный с ним ритуал

Тай-казан в мавзолее
Ахмада Йасави.
Фото Н. В. Николаева, 2011 г.

омовения составлял важную часть паломничества к мавзолею Ахмада Йасави, особо почитаемого в Центральной Азии суфийского наставника, известного как ата Йасави и «глава тюркских шайхов»². Невольной ассоциацией было, конечно же, «медное море» Первого храма царя Соломона: «И сделал литое [из меди] море, — от края его до края его десять локтей, — совсем круглое, вышиною в пять локтей, и снурок в тридцать локтей обнимал его кругом. <...> Толщиною оно было в ладонь, и края его, сделанные подобно краям чаши, [походили] на распутившуюся лилию. Оно вмещало две тысячи батов»³.

Гигантский бронзовый *тай-казан* диаметром 242 см и высотой 162 см весит около двух тонн. Его десять ручек выполнены в форме лепестков лотоса. По преданию, налитая в него вода становилась целебной и не меняла температуру.

Масштаб бронзового чуда соответствовал масштабу сооружения — громадному и величественному мавзолею Ахмада Йасави. Тимур оста-

² Подробнее см.: Сафи ад-Дин Орын Койлаки. *Насаб-нама*. Изд. А. К. Муминов и З. З. Яндарбеков (Туркистан, 1992); М. Е. Массон. *Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави* (Ташкент, 1930). С. 229–250; В. А. Гордлевский. «Ходжа

Ахмед Ясеви». *Избранные сочинения*, III (М., 1962). С. 361–368; [М.-С. Бекчурин]. «Описание мечети Азрета. Заметки статского советника Бекчурина». *Военный сборник*, VIII (1866); А. А. Иванов. «О бронзовых

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

вил после себя десятки монументальных архитектурных сооружений, разбросанных по его великой империи. Колоссальные порталы, вознесенные в небо минареты и декоративные купола — весь арсенал архитектурных форм «Большого стиля» служил прославлению его величия.

Города его империи: столицу Самарканд, родину отца — Кеш, Бухару, Йасы строили и украшали лучшие мастера, пригнанные туда из завоеванных земель. И сегодня продолжает поражать воображение архитектурный замысел многих из этих величественных сооружений. Иногда, правда, воля правителя и дерзость архитектора входили в противоречие с техническими возможностями эпохи, и колоссальные сооружения не выдерживали природных нагрузок.

Под стать мечетям создавались и рукописи. Одна из них была сделана по заказу Тимура для грандиозной соборной мечети Биби-Ханым в Самарканде, богато украшенной изразцами, резным мрамором и росписями и воздвигнутой после победоносного похода Тимура в Индию. Отдельные страницы этого гигантского списка (177 × 101 см, семь строк на листе, около восьмисот двойных листов) разбросаны сегодня по научным библиотекам разных стран, но гигантская каменная подставка под нее (2,3 × 2 м), чуть было не увезенная в Санкт-Петербург в конце XIX в., до сих пор украшает двор самаркандской мечети, вмещавшей некогда до десяти тысяч прихожан. Грандиозные мечети, равно как и громадная рукопись и *тай-казан*, должны были в веках свидетельствовать величие власти Тимура.

Поль Надар. Биби Ханым. Грандиозная соборная мечеть, построенная в Самарканде по приказу Тимура в 1399–1404 гг. после его победоносного похода в Индию. Здание, строившееся практически одновременно с мавзолеем Ахмада Йасави, почти сразу же стало разрушаться: уже при жизни Тимура на молящихся из треснувшего купола стали сыпаться камни. Фотоотпечаток, 37,4 × 27,2 см.

1880-е гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры, РАН № F.1.10. С любезного разрешения института

И. Введенский. Гигантская подставка (*лаух*) под громадную рукопись Корана, установленная ныне во дворе мечети Биби Ханым. Фотоотпечаток, 23,0 × 17,0 см. 1890-е гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН № Q.159.4. С любезного разрешения института

изделиях конца XIV в. из мавзолея ходжа Ахмеда Ясеви», *Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье* (М., 1981).

³ Царств., 23–26.

В Государственный Эрмитаж *тай-казан* попал в 1934 г. в связи с проведением III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии.

С самого начала подготовка к конгрессу стала задачей государственной и идеологической. Предыдущий II Конгресс прошел в Лондоне (1931), следующий должен был пройти в Париже в 1937 г.⁴ Эти масштабные научные конференции традиционно привлекали ведущих иранистов мира. Советский Союз все громче заявлял о себе как о передовой научной державе. Что же касается культуры Ирана, то в СССР были сосредоточены прекрасные коллекции, существовала хорошо известная в мире национальная научная традиция, трудились талантливые ученые. В ходе подготовки к конгрессу в СССР вышла серия прекрасных публикаций, и сегодня составляющих гордость отечественной науки⁵, была выпущена серия почтовых марок⁶, отчеканена специальная медаль⁷.

Лондонский конгресс сопровождался масштабной выставкой. По замыслу организаторов, связанная с конгрессом выставка в Эрмитаже должна была превзойти лондонскую. Для этого было принято решение представить на ней не только собствен-

но эрмитажные коллекции, но и сокровища иранской культуры, хранящиеся в других городах СССР⁸. Гигантский *тай-казан* из Туркестана должен был стать одним из ее центральных экспонатов. Конгресс с большим успехом прошел в Ленинграде 12–18 сентября 1935 г. В нем приняли участие ведущие специалисты из СССР, Германии, Ирана, Голландии, Великобритании, Франции, Турции, Швеции, Италии, Польши. Выставка, организованная к конгрессу, стала одним из важнейших культурных событий той поры.

В мавзолее Ахмада Йасави посреди *казандыка* (специального помещения для *тай-казана*), покрытого самым крупным из сохранившихся в Средней Азии сфероконическим куполом с одинарной оболочкой, на протяжении долгих лет стояла табличка: «Тай-казан, бронза, диаметр 2,42 м, 2000 литров. Использовался для раздачи воды из священ-

⁴ На самом деле состоялся лишь в 1960 г. в Нью-Йорке.

⁵ Так, например, в связи с конгрессом издательство "Academia" выпустило первый сборник русских художественных переводов Омара Хайяма. Прекрасно изданная книга небольшого формата с титулом «Омар Хайям. Рубайат» включает 41 четверостишие в переводах О. Румера, Л. Некоры (скрытого под псевдонимом «Л. Н.»), В. Тардова и К. Чайкина. Параллельно

русским переводам тексты стихов приведены в арабской графике. Короткая вступительная статья о поэте написана А. Болотниковым. См. также: М. М. Дьяконов, Л. Т. Гюзальян, *Рукописи Шахнамэ в ленинградских собраниях* (Л., 1934); они же: *Иранские миниатюры в рукописях Шахнамэ ленинградских собраний* (М. – Л., 1935). Материалы конгресса были опубликованы в 1939 г.,

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

ного источника паломникам. Находится на постоянной экспозиции в Эрмитаже в г. Ленинграде». Паломники, регулярно посещавшие мавзолей и в советское время, молча обходили святое место по кругу, проникаясь враждебностью и к Эрмитажу, и к Ленинграду.

Для меня одной из знаковых новостей накануне распада Союза стал возврат *тай-казана* в Туркестан. Это произошло в 1989 г., который вол-

ной переворотов разрушил Варшавский договор, а в советской Средней Азии ознаменовался погромами турок-месхетинцев в Ферганской долине, событиями в Новом Узене, нарастающим обострением обстановки в Душанбе и Андижане... В то же время кардинальное изменение внутренней обстановки в стране позволяло решать проблемы, которые не решались десятилетиями. Важнейшую роль в возвращении *тай-казана* сыграли директор Эрмитажа академик Борис Борисович Пиотровский и Узбекали Джанибеков, бывший в 1987–1988 гг. министром культуры Казахской ССР и, как никто другой, много сделавший для сохранения традиционной казахской культуры. Ключом решения проблемы стала копия расписки, в которой оговаривалось, что *тай-казан* был отправлен в Эрмитаж лишь на время выставки. Для того чтобы извлечь *тай-казан*, потребовалось разобрать одну из стен Эрмитажа. Работу в течение ночи проделала группа казахских строителей, специально прилетевших в Ленинград. *Тай-казан* был извлечен с помощью крана, и в ту же ночь проем в стене был заделан. В Туркестан *тай-казан* вернулся 18 сентября 1989 г. В Эрмитаже же до сих пор бережно хранятся замечательные бронзовые подсвечники из мавзолея Ахмада Йасави.

Афиша, марка и медаль, выпущенные в связи с проведением в Ленинграде III Международного конгресса иранского искусства и археологии

Ф. Ордэ. Общий вид мавзолея Ахмада Йасави. Фотоотпечаток, 22,0 × 16,2 см., 1880-е гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, № Q.290.40. С любезного разрешения института

Общий вид мавзолея Ахмада Йасави (основной купол — в лесах). Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

см.: *Иранское искусство и археология*. [Труды] III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Ред. И. А. Орбели. (М. – Л., 1939).

⁶ Серия из четырех марок с изображением серебряного блюда IV в. «Шапур II охотится на львов». В почтовом отделении на конгрессе производилось гашение марок специальным штемпелем.

⁷ Ленинградский монетный двор. Медальер А. Ф. Васютинский. Диаметр 55 мм. Бронза. Вес 64,4 г. Тираж 300 экз.

⁸ Подробнее см.: В. Ю. Матвеев. *Эрмитаж «всемирный» или планета Эрмитаж. Выставочная деятельность музея за рубежом и произведения из зарубежных собраний на выставках в Государственном Эрмитаже* (СПб., 2012). С. 72, 103–104.

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

На четвертом курсе восточного факультета небольшой спецкурс персидского языка читал нам Левон Тигранович Гюзальян, известный в мире специалист по эпиграфике и искусству Востока, который с 1930 г. и до конца жизни работал в Государственном Эрмитаже. Был, правда, перерыв — 1938–1953: сначала лагерь в Пермской области, потом поселение в Соликамске, после освобождения в 1946 г. — Луга (жить в Ленинграде было запрещено). Л. Т. принимал активное участие в подготовке III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии⁹, в связи с которым и был доставлен в Ленинград *тай-казан*.

Не заметить его было невозможно. Л. Т. выделялся тревожным взглядом своих громадных восточных глаз, блиставших на абсолютно гладком черепе несколько необычной формы. Мы крайне небрежно читали с ним «Книгу попугая» («Тути-наме»), собрание дидактических и эротических новелл-сказок, составленное в 1330 г. в Индии Зийа ад-Дином Нахшаби и восходящее к древнеиндийскому оригиналу¹⁰. Пятьдесят две ночи мудрый попугай рассказывает хозяйке свои необыкновенные сказки. Каждый вечер молодая и красивая хозяйка по имени Худжасте собирается в отсутствие мужа отправиться к своему возлюбленному. Она спрашивает разрешения у мудрой птицы. В ответ попугай начинает очередной необычайно интересный рассказ. Заинтригованная хозяйка спрашивает: «А как это было?» — и, не отрываясь, слушает его до утра:

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать,
Всем влюбленным утро — враг ужасный.

Перевод сочинения на русский язык был осуществлен в 1919 г. выдающимся иранистом Е. Э. Бертельсом (1890–1957), впоследствии — членом-корреспондентом АН СССР (1939), Иранской АН (1944), Арабской АН в Дамаске (1955) и лауреатом Сталинской премии. Бертельса трижды ненадолго арестовывали в 1922, 1925 и в 1941 гг. как «французского и немецкого шпиона». После второго ареста он был вынужден начать сотрудничество с ОГПУ¹¹. Это, однако, не уберегло ни его самого от еще одного ареста, ни его сына Дмитрия от лагерей (1941–1948) и ссылки (1948–1956). Именно Дмитрий Евгеньевич Бертельс обнаружил утраченную рукопись перевода, выполненного для знаменитой «Всемирной литературы» Горького, и спустя шестьдесят лет после создания смог

Левон Тигранович Гюзальян.
Фото середины 1930-х гг.

Студенты.

Фото Т. М. Федоровой, 2012 г.

⁹ См. выше, примечание 5.

¹⁰ Одну из его редакций см.: *Шужасантати. Семьдесят рассказов попугая*. Пер. с санскрита М. А. Ширяева. Предисл. и примеч. В. И. Кальянова (М., 1960).

¹¹ Некоторые из его доносов на коллег послужили основанием для репрессий. См.: *Люди и судьбы*.

Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина (СПб., 2003), см.: <http://memory.pvost.org/pages/bertelsee.html> (последнее посещение 03.08.2015 г.).

издать ее. Его отец, Е. Э. Бертельс, получивший не только востоковедное, но и высшее музыкальное и юридическое образование, оказался идеальным переводчиком для этой книги. Перевод был осуществлен с наиболее аутентичной рукописи, хранившейся в Азиатском музее (ныне Институт восточных рукописей) в Санкт-Петербурге.

Л. Т. терпеливо и грустно разбирал с нами чудный персидский текст. Мы же, второпях готовясь к занятиям в перерыве между лекциями, совсем не представляли ни масштаба личности этого человека, ни то, какой текст мы читаем с ним. Глаза мне приоткрылись на этот счет лишь однажды. Пробегая как-то по эрмитажному коридору, я остановился на минутку у громадного котла и, шевеля губами, стал разбирать арабскую вязь, несколько рядов которой украшали поверхность громадной чаши. Легче всего далась стандартная по набору слов подпись автора: «Сделал бедный раб, нуждающийся в Аллахе Всевладеющем, мастер ‘Абд ал-‘Азиз, сын мастера Шараф ад-Дина Табризи». Прочитал и надпись, составляющую нижнюю ленту: здесь двадцать два раза повторялась писанная почерком куфи максима «Власть принадлежит Аллаху».

Увлечшись, я не заметил, как ко мне подошел Л. Т. Спросив, что я понимаю, он стал помогать мне читать верхний текст, выполненный удивительным по соразмерности сульсом: «Сказал Аллах, да будет он благословен и да возвысится: “Неужели поение паломника и оживление священной мечети вы считаете откровением?” И сказал [Пророк], да будет над ним мир: “Тот, кто возводит место для питья на пути Аллаха, да возвысится он, тому Аллах соорудит в раю водоем”. Приказал построить это место для питья эмир величайший, владетель над выями народов, избранный (отличный) помощью Царя Милостивого, амир Тимур Гурган, да освятит Аллах Всевышний царство его, для усыпальницы шейха ислама, султана шейхов в мире, шейха Ахмада ал-Йасави, да освятит Аллах дух его великий. 20 шавваля 801 года». Затем последовала вдохновенная лекция, слушая которую я забыл, куда и зачем шел.

Грустно улыбнувшись, он, уже прощаясь, сказал: — А вот здесь, в картушах, смотрите. Здесь уже по-персидски: «Будь благословен», да, но Вы со своими сокурсниками, увы, в персидском не сильны.

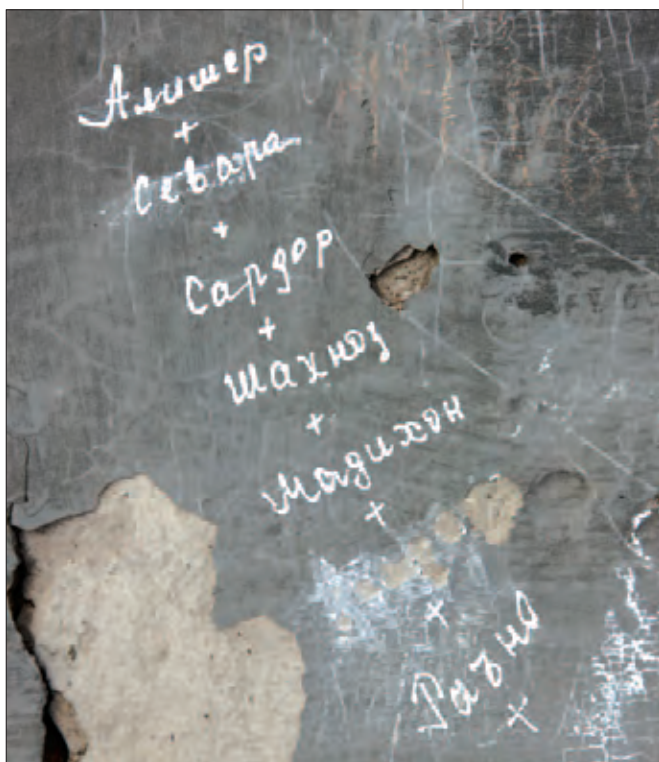
Мне стало ужасно стыдно, но исправить я фактически уже ничего не мог. Спецкурс заканчивался.

Тай-казан. в мавзолее Ахмада Йасави.
Фото Н. В. Николаева (фрагмент),
май 2011 г.

Н. Н. Нехорошев. *Тай-казан*
в мавзолее Ахмада Йасави.
Стеклоотдел, 29,6 × 23,6 см.,
1871–1872 гг. Фотоотдел Научного
архива Института истории материальной
культуры РАН, № IV–579.
С любезного разрешения института

«Туристические граффити» на стенах комплекса сейчас замещают паломнические. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Паломник у мавзолея Ахмада Йасави. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Совпало так, что со мной в самолете, летевшем в Чимкент, оказался томик Нахшаби. Листая пожелтевшие странички, я вновь радовался удивительному тексту, волей-неволей вспоминал Левона Тиграновича и предвкушал поездку к степному чуду — грандиозному мавзолею Ахмада Йасави. По местным поверьям, троекратное паломничество к нему приравнивается к хаджу в Мекку¹². Быть похороненным около мавзолея считалось большой удачей и честью. Филипп Назаров, Отдельного Сибирского корпуса переводчик, посланный в Коканд в 1813–1814 гг., в своих заметках, опубликованных в 1821 г., в частности, писал: «Набожные киргизы тела богатых родственников своих летом увозят в Туркестан, чтобы там предать погребению у гробов святых своих, а в зимнее время, не имея средств без подножного корма туда уехать, вешают их на деревьях, обвив войлоками и бязями, и по открытии весны увозят уже в Туркестан. Проезжая зимой по киргизским степям, с ужасом иногда встречаешь подобные развешанные на деревьях, покрытые инеем, обледенелые тела, качаемые бурным ветром»¹³.

Шайх Ахмад, хваджа Ахмад, хадрат-и Туркистан, ата Йасави (XII – начало XIII в.)¹⁴ почитался и многими почитается сегодня как

¹² А. К. Мунинов. «Святые места в Центральной Азии (взаимодействие общесламских и местных элементов)». *Маяк Востока*. I–II (Ташкент, 1996). С. 14–21.

¹³ Филипп Назаров. *Записки о некоторых народах и землях средней части Азии* (М., 1968). С. 23.

¹⁴ Точные даты жизни неизвестны. Подробнее о нем см.: Д. ДиУис (D. DeWeese). «Ахмад Йасави». *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энци-*

клопедический словарь. IV (2003). С. 14–17; он же. «The Politics of Sacred Lineages in 19th-Century Central Asia: Descent Groups Linked to Khwaja Ahmad Yasavi in Shrine Documents and Genealogical Charters». *JMES*. XXXI/4 (1999). С. 507–530; он же. «Sacred Places and ‘Public’ Narratives: The Shrine of Ahmad Yasavi in Hagiographical Traditions of the Yasavi Sufi Order, 16th–17th Centuries». *MW*. XC/3–4 (Fall 2000). С. 353–376; Сафи ад-Дин Орын Койлакы. *Насаб-на-*

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

«глава тюркских шайхов». Его житие продолжало создаваться вплоть до XIX в.¹⁵ Проповедническая и подвижническая деятельность Ахмада Йасави проходила среди жителей городских торговых центров на границах Кипчакской степи в средней части Сырдарьинской долины, но особенно тесно была связана с г. Йасы (совр. Туркестан). Источники подчеркивают его происхождение от Мухаммада б. ал-Ханафийи, сына «праведного халифа» ‘Али б. Аби Талиба, и преемственность по отношению к знаменитым воинам и правителям, утвердившим ислам в долине Сырдарьи. В духовном становлении Ахмада Йасави традиционно выделяется роль легендарного Хизра (Хидра), древнего пророка или праведника-чудотворца, упомянутого, как считают, в Коране (18:60–82) и отождествляемого иногда с Илиасом (Илией). Полагают, что именно к Хизру восходит йасавийский вид громкого *зикра*, известный как *зикр-и арра*, «зикр пилы», и названный так из-за скрежещущих звуков, издаваемых во время обряда.

Рассказывают, что Ахмад Йасави зарабатывал на жизнь изготовлением и продажей ложек или же был охотником, обладавшим особой властью над дикими зверями. Его проповедь призывала к мистическому затворничеству (*халват*). Передаются рассказы о чудесах, о его подземном жилище и мгновенных перелетах, о создании чудесного эликсира из пота учеников, выступавшего во время *зикра*, о превращении его врагов в собак.

Сохранившиеся версии приписываемого Ахмаду Йасави «Диван-и хикмат», вероятно, имеют в своей основе собрания стихотворений, созданных йасавийскими шайхами начиная с конца XV или начала XVI в.¹⁶ К сожалению, до нас не дошло ни одного сочинения, авторство которого с уверенностью можно было бы приписать Ахмаду Йасави. Благодаря его влиянию цикл специфически суфийских обрядов вошел в самый широкий оборот и стал использоваться вне круга собственно последователей братства йасавийа.

Н. Н. Нехорошев. Общий вид города Туркестана. Фотоотпечаток, 22,4 × 20,0 см. 1871–1872 гг., Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, № Q.487.50. С любезного разрешения института

ма; Массон. *Мавзолей*; Гордлевский. «Ходжа Ахмед Ясеви»; В. G. Privratsky. *Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory* (Richmond, Surrey, 2001).

¹⁵ Важнейшие источники — сочинения шайха Хазини (XVI в.), йасавийский компендиум ‘Алим-шайха ‘Алийабади «Ламахат мин нафахат ал-кудс» (начало XVII в.) — основаны на более ранних источниках, таких как «Наса’им ал-махабба» мира ‘Али-шира Нава’и, накшбандийский «Рашахат ‘айн ал-хайат»,

«Манакиб», ученика Йасави Суфи Мухаммада Данишманда, труд, приписываемый выдающемуся ханафитскому правоведу конца XIII – начала XIV в. имаму Сигнаки-Хусам ад-дину Хусайну б. ‘Али Сигнаки. Последние в оригинальном виде не сохранились.

¹⁶ ДиУис. «Ахмад Йасави».

...С середины XIV века монголы стали утрачивать свое невероятное господство над миром. Гигантская империя, включавшая Великую степь, Китай и Иран, Восточную Европу и Кавказ, стала рушиться под своей тяжестью: власть делили между собой потомки Чингизхана, которых, в свою очередь, теснили амбициозные темники, правившие от имени чингизидов, ставших марионетками в их руках. Одним из таких людей и был Железный Хромец Тимур (1336–1405), установивший твердой рукой свою власть в Мавераннахре и Иране. Используя смуту в Улусе Джучи, где фактическую власть захватил темник Мамай (1335–1380), Тимур подчинил принадлежавший Орде Хорезм и активно помогал Токтамышу (1376–1406), одному из ордынских царевичей, в борьбе за ордынский престол.

В 1380 г. с помощью людей Тимура и лишь после нескольких неудачных попыток Токтамыш захватил столицу Орды. Мамай, разбитый практически в это же время на Куликовом поле, не смог оказать ему активного сопротивления и вскоре, преданный войском и женами, был убит в Крыму. В 1382 г. Токтамыш с большим войском двинулся на брошенную Дмитрием и боярами Москву, которая была опустошена.

Вскоре возобновилась и исправная выплата московской дани ордынцам.

Забыв о помощи Тимура, Токтамыш попытался вернуть Орде власть над Ираном и Средней Азией и даже одержал временные победы, разграбив Тебриз и дважды глубоко проникнув в пределы Тимура. Согласно одному из преданий, во время налета на Туркестан он захватил, в частности, приношения верующих *мазару* Ахмада Йасави и имущество его потомков. Тимур же терпеливо собирал силы для окончательной схватки¹⁷.

Возможно, именно в связи с налетом Токтамыша на Туркестан сборный пункт армии Тимура был назначен неподалеку

от него. 22 января 1391 г., после общего смотра, огромная армия двинулась на север через суровую Голодную степь. В виду Улугтага — «родовой горы» Джучидов, т. е. достигнув крайних пределов владений Токтамы-

Тимур.
Реконструкция М. М. Герасимова

Тимур отправляется в поход.
Картина с экспозиции Историко-культурного этнографического центра в г. Туркестан.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

¹⁷ Массон. *Мавзолей*. С. 7.

¹⁸ Камень с надписью Тимура обнаружил выдающийся казахский геолог, будущий академик К. И. Сатпаев (1899–1964). Он оценил значимость находки и организовал ее передачу в Эрмитаж. См.: А. П. Григорьев, Н. Н. Телицын, О. Б. Фролова.

«Надпись Тимура 1391 г.». *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. XXI (СПб., 2004). С. 3–24. См. также: М. Г. Крамаровский. «Камень Тимура» как феномен чингизидской истории и культуры». *Золотая орда. История и культура* (СПб., 2005). С. 167–169.

ша, Тимур приказал соорудить на вершине сопки Алтын-шоки высокую каменную пирамиду и нанести на плите надпись из одиннадцати строк, частью по-арабски, частью знаками уйгурского алфавита по-чагатайски:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Владыка сущего, Святылище истины, Неусыпный Защитник, Всесильный и Всемогущий, Премудрый даритель жизни и смерти!

Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы [6 апреля 1391 г.], султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на болгарского хана Токтамыш-хана. Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак. Даст Бог, Господь да свершит правосудие! Господь да окажет милость людям страны! Да помянут они нас молитвой!»

Черный необработанный камень (80 × 40 см) с надписью Тимура, обнаруженный в 1935 г., годом спустя оказался в Эрмитаже¹⁸.

18 июня 1391 г. состоялась грандиозная битва при небольшой речке Кондурча с заросшими ивняком берегами¹⁹. Силы были примерно равны: на сравнительно небольшом поле сошлись около 500 тысяч воинов (участников Куликовской битвы было, по крайней мере, на порядок меньше)²⁰. Вспомним также, что при каждом из воинов-степняков должно было быть три лошади, что армии гнали скот для прокорма... «Взвившаяся в небо пыль от копыт закрыла солнце, смешались небо и земля, а река Кондурча стала красной от крови». Токтамыш был разбит. В 1394 г. на реке Терек войско Токтамыша было окончательно разгромлено, а главные города ордынцев сожжены и разграблены. В число трофеев в результате попал и знаменитый «Коран 'Усмана», отправленный

Надпись на «Камне Тимура». Источник: Григорьев, Телицин, Фролова. *Надпись Тимура*

«Камень Тимура». Фото Е. А. Резвана. С выставки Государственного Эрмитажа «Золотая Орда. История и культура». Казань, 2005 г.

¹⁹ Ныне — Кошкинский район на севере Самарской области РФ. Точное место битвы не установлено.

²⁰ Крайняя на сегодняшний день оценка принадлежит руководителям современных археологических экспедиций на Куликовом поле. По их мнению, Куликовская битва была

конным сражением, в котором с обеих сторон приняло участие около 5–10 тысяч человек, что подтверждается размерами поля битвы (два километра при максимальной ширине семьсот метров), которые были установлены с помощью современных технических средств.

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

в 1243 г. египетским султаном Байбарсом золотоордынскому хану Берке вместе с письмом о вступлении в подданство и подчинении. Рукопись, олицетворявшая власть Бахридов над мамлюкским Египтом и власть правителей Орды, стала символом власти Тимуридов²¹.

Для нас важно, что именно Тимур нанес смертельный для Золотой Орды удар, от которого она так и не смогла оправиться. Именно на берегах Кондурчи и Терека решилась судьба не только Золотой Орды, но и будущей столицы России. Однако для окончательного обретения независимости потребовалось еще почти сто лет (стояние на реке Угре 1480 г.).

Вернувшись домой в 1397 г., в честь победы над Токтамышем Тимур приказал воздвигнуть там, откуда начинался поход, в самом сердце Великой степи, над могилой Ахмада Йасави грандиозный мавзолей, призванный навсегда запечатлеть величие и силу его государства. Им двигали и вполне прозаические причины, среди которых, возможно, важнейшей являлась потребность обезопасить свой тыл от набегов «полупокорных сырдарьинских степняков, <...> польстить чувствам кочевников вниманием к их национальной святыне, подчеркнуть единство народов, исповедующих ислам, воздействовать на впечатлительного номада грандиозностью замысла»²².

Тимур на строительстве мавзолея.
Картина с экспозиции Историко-культурного этнографического центра в г. Туркестан. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Могучие стены мавзолея Йасави.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

²¹ Подробнее см.: E. Rezvan. "The Qur'ān and Power in Russia. I: Manuscript", *Manuscripta Orientalia* XIV/2 (2008). P. 21–27.

²² Массон. *Мавзолей*. С. 4.

Я хочу привести здесь целиком фрагмент непревзойденного анализа памятника, принадлежащий перу Михаила Евгеньевича Массона

(1897–1986) — выдающегося советского археолога и историка-востоковеда: «У созданного могучего мавзолея по плану и замыслу нет преемников в Средней Азии. Он уникален. Но в его вознесшейся мощной громаде за традиционными формами, выработанными искусством ислама, невольно чувствуются отголоски созвучных эпохе настроений, почерпнутых, быть может, не случайной интуицией из царственного стиля Персии эпохи Сасанидов и архитектуры императорской Византии. Дворцы Ктесифона и Фирузабада нашли свое отражение в характерной форме плана в виде буквы П; грандиозный свод аудиенц-залы сасанидских царей (Так-и-Кесра) — прообраз величественного портала.

Более четко проявилось влияние Византии, где существовавшая еще в сасанидской Персии идея воплощения в архитектуре “единства царя небесного и единовластия земного государя” расцвела и нашла пышное выражение в константинопольском храме Святой Софии, отстроенном в 537 году. Зависимость от этого мирового памятника, определившего на

много веков в значительной степени архитектуру не только православного Востока, но и мусульманской Турции, в мавзолее Ходжа Ахмеда настолько ясно выражена, что его с полным основанием можно именовать среднеазиатской Айя-Софией.

Мавзолей Ахмада Йасави.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Н. И. Веселовский. Мавзолей Ахмада
Йасави. Фотоотпечаток, 22,4 × 28,0 см.,
1871–1872 гг. Фотоотдел Научного
архива Института истории материальной
культуры РАН, № Q.135.18.
С любезного разрешения института

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

Такое же сосредоточенное расположение всех помещений около средней части, которая перекрыта большим куполом. Меньшие купольные покрытия боковых частей не нарушают доминирующего значения

середины. Явственное расчленение боковых частей на шесть отдельных. Случайно, вероятно, места и число лестничных клеток находятся в соответствии с константинопольским храмом, но не случайным совпадением, а самым характером здания определены два этажа боковых частей, которые в отличие от Святой Софии отделены от центрального помещения не колоннадами, а сплошными стенами с дверными отверстиями внизу, что обуславливалось иным назначением этих комнат»²³.

Святая София.
Прорисовка по фото 2010 г.

²³ Там же, с. 12.

...Заснеженная южная степь совсем не похожа на тундру. Здесь во всем чувствуется временность снега. Мы выезжали затемно. Как толь-

ко я открыл двери гостиницы, раннее холодное и неприветливое утро пахло зимой, но уже через пару часов ненадолго появилось солнце, и в воздухе, в самом разливе громадного купола неба над степью явственно проявилась весна.

Дорога — частью разбитая, частью прекрасная. Вдоль старого шоссе М 39, а иногда и прямо по его полотну идет строительство новой трансконтинентальной магистрали, призванной связать Китай и Западную Европу. Обьезды по обочине, порой довольно затяжные, заставляют нашу старенькую «Волгу» плясать в разбитой колее.

В 1939 г., когда Япония захватила все китайские порты, правительство Гоминьдана попросило СССР построить автомобильную дорогу, которая пролегла примерно по маршруту северного Шелкового пути. Трехтысячекилометровая дорога начиналась от железнодорожной станции Сары-Озек и шла до Ланьчжоу. Когда годом спустя Англия по требованию Японии за-

крыла Бирманскую дорогу, это шоссе, спроектированное и построенное советскими инженерами в рекордные сроки, стало для Китая «дорогой жизни». В начале двухтысячных была введена в строй первая Транскитайская автомагистраль (от порта Ляньюньгань на побережье Желтого моря до КПП Хоргос на казахстанско-китайской границе)²⁴, которая частью пролегла вдоль прежней «советской дороги». Вскоре было принято решение продолжить новую трассу общей протяженностью 8,5 тыс. км по территории Казахстана и России. Строительство должно быть закончено в 2018 г. Современный большегрузный автомобиль будет проходить этот путь всего за десять суток (сейчас через Суэцкий канал грузы из Китая идут в Европу полтора месяца).

В 1867 г. практически этой дорогой прошел выдающийся русский живописец Василий Верещагин (1842–1904), отправившийся из Петер-

Верблюды неподалеку от мавзолея Ахмада Йасави. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

бурга в Ташкент. Его путь лежал через Самару, Оренбург, Орск, Казалинск, Перовский, Джулек, Яны-Курган, Туркестан и Чимкент. Сохранился его путевой альбом. Я смотрел в окно, за которым дождь со снегом рисовали размытую черно-белую картинку, и вспоминал походные зарисовки художника, сделанные как раз в этих местах. «Я учился на Востоке, потому что там было свободнее, вольнее учиться, чем на Западе. Вместо парижской мансарды или комнаты Среднего проспекта Вас[ильевского] острова у меня была киргизская палатка, вместо “островов” или Meudon — снеговые горы, вместо натурщиков — живые люди, наконец, вместо кваса и воды — кумыс и молоко! Я настаиваю на том, что я учился в Туркестане и на Кавказе. Картины явились сами собой,

я не искал их. Везде — и в Туркестане, и в Индии — этюды знакомили со страной, учили меня — результатом явились картины, созревшие гораздо позже»,²⁴ — писал художник.

Рисунки из путевого альбома В. В. Верещагина, 1867 г.
Старая крепость по дороге из Чимкента в Ташкент.
Мечеть в городе Туркестане.
Казахские кибитки.
Во дворе дома Верещагина в деревне Ходжагента.
Источник: *Туркестан. Этюды с натуры* В. В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайшие дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками (СПб., 1874). МАЭ, № И-674

²⁴ Цит. по: А. К. Лебедев. *Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество* (М., 1958). С. 63.

У Сталина в Старом Икане.
Фото Н. В. Николаева, май 2011 г.

И. Е. Репин. Портрет генерала А. К. Гейнса.
1896 г. 115,8 × 93,6 см. Холст, масло.
Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан (Казань).
С любезного разрешения музея.
В 1867–1868 гг. Гейнс воевал в Туркестане, где познакомился с В. В. Верещагиным и стал его другом и доверенным лицом

...Гигантские асфальтоукладчики, арками вытянувшиеся во всю ширину будущей трассы, громадные грузовики и катки, величаво катившиеся то справа, то слева, но всегда много выше нас, превращали нас в лилипутов.

В преимущественно узбекском поселке Старый Икан, что приблизительно в тридцати километрах от Шимкента, всем показывают местную достопримечательность — памятник Сталину, один из двух, сохранившихся на постсоветском пространстве. Памятник, как и бывшее здание сельсовета, теперь в частных руках. Рассказывают, что после XX съезда, когда двухметровую цементную статую распорядились снести, местные ветераны воспротивились этому, и дело так и не было доведено до конца.

Сталин, свежевыкрашенный серебрянкой, гордо стоял, заложив правую руку за борт шинели. Он пережил и еще одну попытку сноса, в 1983 г., и акт вандализма, когда местный парень в пылу спора снес камнем генералиссимусу пол-лица. Сельский умелец отреставрировал памятник по старой фотографии. Сюда теперь приходят в День Победы, а местные молодожены — в день свадьбы. У всех в округе обязательно есть семейные фотографии «со Сталиным», а умелец-реставратор получил из Грузии удостоверение члена общества «Защитим Сталина» и «Орден Сталина» от казахстанских коммунистов.

Ближе к городу дорога становится много лучше. На горизонте появился громадный бирюзовый купол мавзолея, потом снова исчез. В качестве своеобразного путеводителя я захватил в поездку «Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан», принадлежащий перу русского офицера Александра Константиновича Гейнса (1833–1893), впоследствии генерал-лейтенанта, действительного статского советника, градоначальника Одессы, казанского генерал-губернатора и автора первоначального варианта «Правил по управлению степными областями» (1891), члена Русского географического общества и Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В Публичную библиотеку он передал интересную коллекцию восточных рукописей. Каталог персональной выставки Верещагина, с успехом прошедшей в 1874 г. в Санкт-Петербурге, включал и его «Очерк Туркестана»²⁵.

Я открываю книгу: «25-го августа. <...> Переехав через какой-то ручей или очень большой арык, мы подъехали к последней станции перед Туркестаном. Каратау стал ясно виден, отчего степной ландшафт

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

потерял свой утомляющий вид и заменился превосходным горным ландшафтом.

По прозрачно-синему цвету гор бежали темные ущелья, рисовались более светлые выступы с черными по бокам промоинами. Слава Богу! Мы опять приближаемся к горам! Далеко около них затемнели сады Туркестана, которых зелень группами отенялась на светлой степи с сожженной на ней травой. Около дороги показались бахчи. Впереди поднялась высокая арка и купол знаменитой туркестанской мечети, или так называемого Азрета. Как все это приятно действует на глаз, привыкший к однообразию степи! Будто подъезжаешь к Парижу; такое чувство удовольствия испытал по крайней мере я, подъезжая к Туркестану. Оживленный вид увеличивался по мере движения вперед. По дороге сновали всадники на ослах, лошадях и верблюдах. Немазанные арбы, запряженные в одну лошадь, на которой сидел человек, везли в город джумурчку (клевер), арбузы, мешки с пшеном...»²⁶

На дороге — все больше машин, у первого светофора — пробка. Дорогу переходит группа хохочущих девушек. Справа — Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Йасави. Как рассказывают коллеги, он прекрасно оборудован, у медицинского факультета — самая современная лечебная база. Сюда собираются приглашать ведущих мировых хирургов для проведения показательных операций. Заключен договор о сотрудничестве с военно-медицинской академией «Гульхане», важнейшим медицинским центром Турции.

«Выехав из базара и проехав еще несколько извилин, в которых из ворот выглядывали ребятишки, захлопывающие двери при нашем приближении с криком “Урус!” — мы подъехали к цидатели, из-за которой выглядывал Азрет со своим странным фасадом и грациозными куполами»²⁷.

Н. М. Бачинский. Мавзолей Ахмада Йасави (вид с Востока). Фотоотпечаток, 11,3 × 8,5 см. 1920-е гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН № Q.1056.57. С любезного разрешения института

Н. М. Бачинский. Боковой фасад мавзолея Ахмада Йасави (вид с Северо-Запада). Фотоотпечаток, 22,2 × 16,5 см. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, № Q.290.41. С любезного разрешения института

²⁵ *Каталог картинам, этюдам и рисункам В. В. Верещагина [с очерком Туркестана А. К. Гейнса]* (СПб., 1894).

²⁶ А. К. Гейнс. «Дневник 1866 г. Путешествие в Туркестан». *Собрание литературных трудов*

(СПб., 1897), II. [Online]. Доступно: <http://rus-turk.livejournal.com/258380.html> (последнее посещение 10.11.2014 г.).

²⁷ Там же.

Могучий мавзолей вырастает на глазах, хочется скорее к нему. Мы долго катимся мимо сувенирных рядов, наконец паркуемся, я выхватываю фотоаппарат и почти бегу: огромное здание в сердце степи — настоящее чудо!

«Большая дверь чрезвычайно мелкой резной работы ведет во внутренность мечети. Первое, что вас поражает, это чрезвычайно грандиозный купол, покрывающий все главное здание. Плафон купола из лепной алебастровой работы сделал бы честь лучшему европейскому архитектору. <...> На середине мечети стоит огромный, баснословной величины, бронзовый котел с рельефными надписями из Корана и другими украшениями. Назначение этой чаши или котла — назовите как хотите — состоит в варении пищи для бедных; котел обставлен со всех сторон бунчуками и знаменами Азрет-султана»²⁸.

Н. М. Бачинский. Дверь в мавзолей Ахмада Йасави. Фотоотпечаток, 11,4 × 8,4 см. 1920-е гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН № Q.1056.60. С любезного разрешения института

В. В. Верещагин. У дверей мечети. 315,5 × 237,5 см. Холст, масло. 1873 г. Государственный Русский музей. С любезного разрешения музея

В. В. Верещагин. Нищенствующие монахи ордена Накшбанди у входа в мечеть в Туркестане. 61,0 × 49,2 см. Холст, масло. 1870-е гг. Бостонский музей изящных искусств. С любезного разрешения музея

Н. И. Веселовский. Главная ниша мавзолея, ведущая в гробницу Ахмада Йасави. Фотоотпечаток, 21,8 × 27,3 см., 1895 г. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, № Q.135.20. С любезного разрешения института

²⁸ Гейнс. «Дневник».

Верблюды зимой.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Паломник.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Бунчуков сегодня нет. Громадный котел стоит во всей своей красе. Внутри здания — несколько узких коридоров, ведущих в помещения-усыпальницы. Под сенью мавзолея покоятся те, кто при жизни вершил судьбы Степи. Выглянув за дверь, я увидел вереницу верблюдов, идущих по снегу: «Через Туркестан проходило ежегодно со всех сторон до двадцати тысяч верблюдов с товарами. Среднюю цену верблюда, нагруженного товаром, полагают здесь во сто червонцев, или около четырехсот рублей»²⁹.

Я долго бродил внутри мавзолея и вокруг него. Собираясь уходить, возвращался вновь. Справа от величественного здания внутри стен цитадели предпринята попытка воссоздать квартал средневекового города: «Мы въехали в ворота города по очень плохому мостику, перекинутому через глубокой ров. От них сейчас же начинаются узкие, извилистые улицы. По сторонам их идут глиняные заборы, кое-где поднимающиеся на высоту стены дома. Из улицы небольшие ворота ведут во внутренние дворы, куда уже выходят из всех комнат двери. Там, где ограда, отделяющая дворы от улицы, становится выше, она составляет стену дома, что можно судить по маленьким окошечкам, пробитым высоко над землей. Изредка в них показывалась головная повязка женщины и сейчас же пряталась назад.

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

Кое-где в выступах улицы приютились колодцы с нашими всероссийскими запрещенными журавлями для подъема воды, что стесняло еще более и без того тесную улицу. По улицам бродили правоверные, с огромными белыми тюрбанами на головах, бегали от колодцев полуголые (по поясу) мальчишки с кувшинами в руках. Когда навстречу нам попадались из-за поворота улицы верховой, или верблюд, или арба, наш ямщик громко выкрикивал какие-то зычные междометия, еще громче раздававшиеся между стен улицы. Те спасались в ближайшие переулки или ворота домов и давали, таким образом, возможность проехать нашему тарантасу.

Задевая колесами за стены и присоединяя новую черту к многочисленным следам, оставленным на них арбами, мы добрались до базара, т. е. крытой улицы, по сторонам которой вместо пустых стен расположены лавки. Здесь висели на железных крючьях только что зарезанные бараны, стояли в лавочках самовары, продавались фрукты, производились всякого рода мастерства. Мальчишки и торгаши кричали и шумели, верблюды ревели, всюду был гам, шум и гвалт»³⁰.

Я стоял на узкой средневековой улочке, представляя, как все выглядело здесь сто, двести, триста лет назад. В масштабе городской улицы величественное здание мавзолея становится едва ли не космическим.

Базар, мясная лавка.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

Улочка восстановленного квартала у стен мавзолея.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

³⁰ Там же.

Пора было уезжать. В сувенирной лавочке на память о поездке я долго выбирал четки. Они висели на растяжке рядом с живописным прилавком с калошами всех возможных размеров.

В сувенирной лавочке неподалеку от мавзолея Ахмада Йасави.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

На обратном пути, еще практически в черте города, мы остановились у придорожного кафе. Молоденькая веселая официантка пошла выполнять наш заказ, а я опять открыл книгу: «Дом, часть которого нам теперь отвели, построен русскими уже после взятия Туркестана. В садике кипел самовар и молодая, прилично одетая дама, жена священника, как нам после сказали, разливала чай нескольким офицерам. Мы пристроились к столу»³¹.

В восточном доме русских офицеров принимали на местный лад: «Низенький стол был накрыт вышитой азиатской салфеткой, на которой стояли подносы с фисташками, кишмишем, леденцами, виноградом, зернышками от абрикосов, дынями и арбузами. Подали чай в полоскательных небольших чашках. Вслед за тем принесли блюда с пельменя-

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Как часы, чьи стрелки стирают
С циферблата прошедшие минуты.

И мир — как яблоко,
Безвучно вращающееся в космосе,
Как круги, которые ты обнаруживаешь
В ветряных мельницах своего сознания.

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

ми, сильно посыпанными перцем, и пилавом. И то и другое было очень вкусно»³².

В нашем кафе был и Восток, и Запад одновременно. Пока я читал, улыбчивая официантка успела два раза подряд поставить Стинга:

Like a clock whose hands are sweeping
Past the minutes of it's face
And the world is like an apple
Whirling silently in space
Like the circles that you find
In the windmills of your mind!³³

Ностальгическая и грустная “The Windmills of Your Mind”, написанная Аланом и Мэрилин Бергман в сотрудничестве с Мишелем Леграном еще в 1967 г.:

When you knew that it was over
You were suddenly aware
That the autumn leaves were turning
To the color of her hair!³⁴

Обратно было ехать уже не так интересно. Малый хадж состоит из трех этапов: Сайрам (16 км от Чимкента, могилы родителей Йасави), Арыстан-баба (в поселке Шаульдер, на месте древнего Отрара, где могила его духовного наставника Арслан-баба) и собственно Туркестан. Было ясно, что в Сайрам и Арыстан-баба мы уже не поспеваем. В теплой машине слипались глаза. Я было заснул и даже начал видеть сон, в котором я плыл по Неве мимо своего дома, стоя на громадной и скользкой льдине и балансируя, чтобы не упасть в ледяную воду.

— ...Казыгурт в следующий раз... — Я проснулся от слов коллеги, сидевшего зади. Тот по моему осоловевшему лицу понял, что я, наверное, не расслышал его слова.

— В следующий раз еще на Казыгурт поедем. Гора километрах в 40–45 от Чимкента в сторону Ташкента. Недавно там поставили памятник «Нұх пайғамбар кемесі» — «Ковчег Ноя».

В Сайраме мне удалось побывать только спустя год.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2013 г.

³⁴ Когда ты понял, что все кончено,
Ты внезапно осознал,
Что осенние листья приобретали
Цвет ее волос!

Я оживился, вспомнив, что читал когда-то о «Туркестанском Арарате», описанном еще В. И. Массальским (1859–1932)³⁵. Вместе с двумя пещерами Коныр аулие, в которых я недавно побывал, эти места связываются народным преданием с легендой о Всемирном потопе и Нухе (Ное)³⁶.

Великая степь сохраняет и помнит своих богов. Святые места, расположенные на древних торговых путях, переходили от одного народа к другому, но религии, сменяя друг друга, частью сохраняли и прежние названия, и ритуалы. Здесь сегодня рядом стоят мавзолей Йасави и памятник Сталину. И туда и туда приходят молодожены, и туда и туда ходят поминать ушедших. «Народом всех богов» как-то в разговоре со мной назвал жителей Степи петербургский художник Азат Минекаев. Что ж, он прав, Великая степь действительно земля всех богов.

Мавзолей Ахмада Йасави.
Гравюра Лапланта по рисунку Тайлора.
Отдельный оттиск 13,0 × 18,0 см.
1890-е гг. Частное собрание.
С любезного разрешения владельца

«Только поклонившись святому Хазрету в Туркестане, посетив Самарканд и взошедши на Сулейман-тау, правоверный может закончить свой подвиг поклонением Каабе в Мекке»³⁷, — писал русский исследователь в 1887 г. Гигантским бастионом, крепостью веры стоит в Степи

³⁵ См.: *Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей*. Том XIX. Туркестанский край. (СПб., изд. А. Ф. Девриена, 1913). С. 415. Я искренне благодарен коллеге Н. Мынбаеву,

пришавшему мне в этой связи текст своей статьи «Легенда о Казыгурте — миф или истина?».

³⁶ См. выше, с. 224–228.

³⁷ А. В. Симонов. «В предгорьях Алая». *Сборник сведений о Средней*

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

сложенный на века мавзолеей Ахмада Йасави. Для русских — это памятник походу, положившему решительный конец власти Орды над Москвой. Образ чаши, заложенный одним из основных в *тай-казане*, издавна выражал идею собирания, символизировал духовное просветление, знание, искупление грехов и бессмертие. Основатель «аналитической психологии» Карл Юнг рассматривал чашу как символ стремления человека найти собственный центр.

Я смотрел на древние стены мавзолея, подобно раковине скрывавшие *тай-казан*, и думал о том, как правильно все сложилось. Замечательно, что *тай-казан* и карсакпайская надпись Тимура, так же как и «Коран 'Усмана», некогда захваченный Тимуром в Орде и возвращенный мусульманам Лениным³⁸, были привезены в Петербург–Ленинград, тщательно описаны, изучены, введены в научный оборот, понята, как имеющие самое непосредственное отношение к историческим судьбам России. Замечательно, что *тай-казан* и «Коран 'Усмана» вернули назад, знаменуя тем самым связь наших культур и традиций. Замечательно, что главной картиной «русского ориентализма» стало знаменитое полотно «Двери Тимура» (1872–1873), созданное Верещагиным под впечатлением от посещения мавзолея Ахмада Йасави и хранящееся ныне в Государственной Третьяковской галерее в Москве. В конце концов, в ночном небе над Евразией от века парит древнее созвездие Чаши, как образ и символ судьбы, общей для всех нас.

В. В. Верещагин. Двери Тимура.
213,0 × 168,0 см. 1872 г. Холст, масло.
Государственная Третьяковская галерея.
С любезного разрешения музея

Азии и Русском Туркестане. Статьи неофициальной части Туркестанских ведомостей. 1887 г. (Ташкент, 1889). № 1–51. С. 3–4.

³⁸См.: Rezvan. "The Qur'an and Power".

Ближе к городу заехали на маленький базарчик купить курт («катышек» или «колобок» по-казахски), степное чудо, которым можно удивить и порадовать друзей дома. Казахский курт — это твердый сыр в белых и коричневатых (если он подкопчен) катышках диаметром три–пять сантиметров, сделанный из спрессованного и высушенного на солнце створоженного кислого молока с добавлением соли. В Средней Азии его издревле брали в дорогу купцы и паломники, пастухи и воины. Курт практически не портится, ведь по существу это концентрат молока с естественным консервантом — солью. Он очень калориен³⁹, помогает легче переносить жару, его можно развести в горячей воде и сварить густой суп, можно есть с хлебом, использовать как соленую приправу к свежим овощам. Подобный продукт есть у многих степных и горных народов, в Аравии времен Пророка делали, например, твердый сыр *акыт*, но у каждого народа он свой. Отличается и закваска, и исходное сырье — молоко, которое может быть кобыльим, верблюжьим или даже, как в Армении, буйволиным. На базаре мы купили кило белых шариков, взяли несколько бутылок местного пива. Курт к нему — прекрасная закуска.

Приготовление курта.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

³⁹ Около 260 ккал в 100 г.

⁴⁰ Зийа ад-Дин Нахшаби. *Книга попугая*. С. 193.

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

Вечерело, «ткачи небесного свода убрали в сундук Запада золотую ткань-солнце, и под-мастерья небосклона принесли из мастерской Востока белый шелк-месяц»⁴⁰. Мы, правда, этого не видели: перед Чимкентом снег сменился на дождь. Дворники на старой «Волге» едва управлялись с хлопьями грязи от впереди идущего грузовика. Я вбивал в телефон имена и названия мест, когда аппарат наконец заработал. Пришло несколько эсэмэсок, последняя, с адресом на YouTube⁴¹, была от нее. Я кликнул по ссылке и вставил наушники:

Приезжай.

Мне тебя сегодня хочется целовать
Долго-долго. Медленно. А еще —
Тихо-тихо, глядя в глаза, говорить слова,
От которых потом тревожно и горячо.

Приезжай. Заварим чаю, нальем вина —
Водки-виски — что ты сегодня пьешь?
Приезжай — и к черту страны и времена —
Солнце-снег-холодненький этот дождь...

Ну, какая разница — что там —
апрель-февраль? —
Ветер-вечер-вечность-закат-прибой...
Мне до слез, до глупых истерик жаль
Каждый миг — убитый — прожитый — не с тобой...

Мне тебя сегодня хочется... Боже мой! —
Не могу я с тобой о будничном и простом...
Приезжай, пожалуйста, просто побудь со мной.
И — плевать, пожалуй, что будет со мной потом⁴².

Пулково. Встреча.
Фото Т. М. Федоровой, 2015 г.

⁴¹ <http://www.youtube.com/watch?v=sLITNIZhoXY>.

⁴² Стихи Юлии Вергилевой.

Самолет долго набирал высоту. Густое молоко облаков где-то за горизонтом было подсвечено упавшим солнцем. Старую добрую «Тушку» обслуживал тот же экипаж, что был на рейсе Санкт-Петербург—Чимкент.

— Опять с нами? — сверкнула яркими серыми глазами бортпроводница в щегольской, ладно подогнанной униформе. Зеленый томик «Тути-наме» сам открылся на «Рассказе о царевиче, семи визирях и несчастье, постигшем царевича из-за девушки»:

Нахшаби, искусны жены в выдумках коварных,
Вырывайся из оков их поскорее, брат!

С головы и до хвоста полны все змеи яда:
Жены все полны обмана с головы до пят⁴³.

Раннее утро в Пулково встретило влажным колким холодом, изморозью и туманом. Телефон в кармане звякнул эсэмэской, «но рассвет, казалось, был еще жаднее ее, тотчас же поднялся дневной шум, утро показало свой лик, и идти уже было невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать,
Всем влюбленным утро — враг ужасный»⁴⁴.

Я сел в такси, назвал водителю домашний адрес и отключил телефон, зазвонивший было вновь.

Отражение. Центр Помпиду, Париж.
Фото Е. А. Резвана, 2012.

Мокрая зима. Петербург.
Фото Т. М. Федоровой, 2014 г.

⁴³ Зийа ад-Дин Нахшаби. *Книга попугая*. С. 78.

⁴⁴ Там же, с. 165.

